

Виталий Шелестов

Второй дом

«Автор»

2026

Шелестов В.

Второй дом / В. Шелестов — «Автор», 2026

Повесть о молодых людях, в непростых ситуациях сумевших не только выстоять, но и сделать правильный жизненный выбор.

© Шелестов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Второй дом

Глава

I

Батальонные тактические учения с боевыми стрельбами затягивались: из штаба округа, словно по мановению колдовского жезла, объявились ряженные в полевую с иголки форму инспектора-наблюдатели, дабы, как можно догадаться, прошерстить, проскоблить и пропесочить оскорбившихся. А такие выявились довольно скоро: третья рота, в отсутствие приболевшего её командира, с двумя необстрелянными лейтенантами-выпускниками и очумелым от вороха навалившихся задач и проблем замполитом, раз за разом проваливалась.

Ещё в первый же день прибытия на полигон недосчитались заправочного «КрАЗа» и полевого кухонного «газика». Первый неудачно сманивировал на одном из поворотов, смяв боковиной палисадник частного сектора и всполошив ближайшее население, выбежавшее поглазеть на марш колонны. Не замедлили явиться к месту столбоотворения военная автоинспекция и тамошняя администрация в лице представителя сельсовета. Разборки затянулись на несколько часов, пострадавшая сторона требовала материальной компенсации за ущерб, виновники старательно ремонтировали и заколачивали передавленный штакетник в угоду любому вмешавшемуся в перепалку, пока не составили акт, согласно которому третья рота в течении суток обязывалась всё исправить и по возможности отработать на сотках требуемую компенсацию. Ввиду сильной занятости личного состава на учениях полковой штаб распорядился откомандировать в распоряжение потерпевшей стороны пару бойцов из комендантского взвода. Какими словами те обкладывали третью роту – уже другая история.

Что же касается кухни, то их машина стала колом на трассе километрах в двадцати от полигона – заглох двигатель. Никакая заводка прикуркой и вручную не помогла, требовалось вмешательство ремонтно-аварийной службы, а пока решалась дальнейшая судьба «газика» с его водителем и пассажирами, время текло, и третья рота вынуждена была тешиться пошлым афоризмом замполита, что якобы не на хлебе едином должна базироваться воинская дисциплина. А покамест всем заняться обустройством полевого расположения и продолжать окапываться...

Увы, на этом напасти продолжали сыпаться на роту отовсюду и беспрерывно. Выпускники – молодые командиры взводов, желая, как часто водится, с самого начала наладить и укрепить свой офицерский статус, вызвались добровольно отправиться в первую же ночь на огневые рубежи для рекогносцировки, установки и проверки на готовность и мобильность учебных мишеней. Батальонное руководство охотно пошло навстречу сему предсказуемому энтузиазму, поскольку работы подобного рода всегда были тяжкой повинностью и ложились в основном на плечи заезжих подразделений, что учатся здесь стрелять, водить, орать, бегать, прыгать, одним словом – воевать. Целый взвод отправился пехом вслед за новоиспеченными командирами в ночь готовить рубежи к первым намеченным стрельбам. Ставили каркасы, обтянутые плотной бумагой, фанерные фигуры в виде вражеских боевых единиц, ровняли окопы и бруствера, проверяли целостность кабелей... К утру так хотелось жрать, что готовы были грызть эти самые мишени вперемешку с лейтенантами, которых возненавидели довольно скоро. Ненависть усилилась, когда выяснилось, что молодые комвзводы забыли в порыве энтузиазма прихватить средства связи, и запыхавшийся посыльный, срочно отправленный к ним батальонным штабом, вместе с рациями передал сердечные приветы и наказ фигурировать дальше в качестве обслуживающего персонала стрельбища без отрыва от производства, т.е. когда придёт очередь

воевать – милости просим, только потом как можно скорее обратно к мишеням, и про связь не забывать...

Старший лейтенант Усольцев, ротный замполит, впервые, пожалуй, ощутил на собственной шкуре, что значит быть полевым командиром (в хорошем смысле этого слова), а не плацказарменным зазывалой, коим, по сути, являлся до сей поры. Одно дело, когда ты правая рука и воспитательно-идеологическое подспорье комроты, глашатай всего передового и просветительного, совсем другое – сотня орлов под твоей эгидой и открытым небом, причём далеко не все жаждут выказать чудеса доблести и отваги. Особенно если в «котелке» маячит другой котелок, с гречневой кашей и подливкой, а тебя заставляют тащить на полигон боекомплект и наглядно-вспомогательное барахло, которое и приспособить-то негде и незачем, кроме как наколотить топориком для ночного костерка...

Отстрелявшись на первом этапе через пень-колоду и увещевания незавидных перспектив со стороны батальонного руководства, третья рота уныло разбрелась группами по распределённым точкам: кто снова на огневые рубежи с присмирившими лейтенантами, кто охранять боевую технику, кто в оцепление по всему периметру полигона, а кто назад в лагерь для прочих мелких и средних поручений и нарядов. Людей, как всегда в подобных ситуациях, катастрофически не хватало, и латать дыры приходилось кем и как угодно, чтобы хоть в какой-то степени поддерживать общий ход процесса. К вечеру второго дня прикатила наконец «поварёшка», заимствованная у роты матобеспечения, и когда солдаты вытянулись живой струёй к «покорителю бездорожья» с пустыми котелками, к Усольцеву прискакал штабной посыльный с приказом немедленно явиться к комбату. Временно исполняющий выругался про себя и, торопливо застёгивая портупею, рысью шуганул к походному КП, оставив в палатке нетронутый обед-ужин стынуть на радость лесным насекомым.

— Тут вот какое дело, Усольцев... — Командир батальона майор Бережной развернул на складном столике топоплан местности и стал по нему водить пальцем. — Утром позвонили в штаб полка из областного управления связи, а оттуда сообщили мне, как всегда в самый подходящий момент... Оказывается, на территории нашего театра боевых действий где-то в северо-западной части проложен их подземный кабель. Сделано это было давно, и схемы с расположением местных коммуникаций у них где-то затерялись в архивных дебрях. Ну и, как часто бывает, со временем срочно понадобились, и теперь рыщут-свищут в панике. Потом, понятное дело, бумаги сами отыщутся, но сейчас эта лавочка в положении роженицы, которой без кесарева сечения абзац. Вот и обратились к нам за подмогой. Загвоздка, как я меркую, здесь в том, что их люди без официального согласования с нашим, полагаю, не только полковым руководством, сюда не попрутся, тем паче при боевых стрельбах. А это, сам понимаешь, сопряжено со штабной волокитой, которая неизвестно ещё сколько времени отымет. Тут надо не только давать отбой учениям и неизвестно сколько ждать, но и менять кучу мероприятий и графиков, перекраивать учебный план и всё такое... Так вот, чтобы эта канитель не затянулась, начальство решило попробовать обойтись собственными кадрами. Через пару часов сюда привезут из части спеца из сапёрной роты, и он на ночь глядя попробует своим детектором-реконом отыскать этот долбаный кабель и нанести его вот на этот план.

Бережной протянул Усольцеву лист. Оба склонились над ним.

— Ориентировочно кабель протянут вот здесь... — палец комбата прочертил овал в левом верхнем углу карты. — Могут даже остаться следы траншеи в виде холмиков или выбоин, да и растительность в том месте должна отличаться. И главное: при закладке кабелей ставятся по ходу бетонные или металлические столбики с табличками. Конечно, за столько лет их могли своротить гусеницами или даже снарядами, но есть вероятность, что могут кое-где сохраниться, а это облегчит задачу и сэкономит время на поиски.

— Здесь непонятно другое, — заметил Усольцев. — Территория полигона — она же всё-таки при военном ведомстве. И как могло произойти, что такой важный гражданский объект, можно сказать стратегического значения, оказался в неполюженном месте?

— Вопрос, конечно, интересный, — вздохнув, проговорил комбат. — И думаю, что не мы одни сейчас им задаёмся. Может быть, когда в своё время участок передавали или какую-то его часть присоединяли к нам, землеустроители что-то профукали или напортачили с актом сдачи. Или же кто-то из наших предшественников допустил косяк с приёмкой, от ошибок никто не застрахован. Теперь это выяснять — впустую, даже если и найдут виноватых, нам от этого не полегчает. Однако раз уж так вышло, проявлять, как это ни банально звучит, армейскую смекалку нашему брату не впервой. Постараемся, так сказать, направить ход истории в нужное ему русло. Лучше всего было бы, конечно, послать туда кого-нибудь из офицеров, да сам видишь, каждый на вес золота, в любой момент может понадобиться здесь.

— Ясно, товарищ майор...

— Ночную стрельбу временно отодвинем на сутки. Это пока единственное, что мы можем. Твоя рота сейчас на передке не задействована, поэтому выбери из своих бойцов кого-нибудь порасторопнее, желательно старослуживого, и чтобы по карте мог ориентироваться. Сапёру в одиночку, сам понимаешь, на этом полигоне что свинье в тундре, — заплутает мигом, да ещё в темноте. Можешь ещё кого-нибудь в подручные выделить. И пусть выдвигаются как можно скорее, к утру желательно бы раздолбаться с этой проблемой, чтоб её юзом... Да, и не забудь выдать им рацию, а то у вас в роте на этот счёт последнее время умельцы хороводят...

Младший сержант Луконин, срочно вызванный к замполиту несколько минут спустя, внимательно и, понятное дело, с некоторым скептицизмом выслушивал его указания и инструкции. Шуровать непонятно куда и отыскивать непонятно что за почти двухлетнюю службу не являлось для него сюрпризом, и это новое задание, свалившееся пыльным кулем на голову, никакого смутения в душе не произвело. Разве что раздражения вперемешку с едкой досадой прибавило: в самом-то деле, сколько можно уже грызть гранит проблематики, так все зубья скоро искрошишь. Видать, покрыл анафемой кто-то многострадальную третью роту ещё в незапамятные времена...

— У сапёра, конечно, будет при себе «147-я „пешка“¹ или что-то в этом роде, но пере-страховаться не мешало. Возьмёшь у Кривицкого „моторолу“, знаешь, как с ней обращаться?

— Приходилось...

— Ведь насколько я помню, — продолжал Усольцев, — у тебя гражданская специальность вроде как с топографией связана?

— Геодезист, технарь до призыва окончил...

— Вот-вот, значит в топокартах должен сечь, верно ведь? Кустарник от строительного сооружения на плане местности отличишь, север с югом не перепутаешь?

— Обижаете, тарщ-старш-нант...

— Шучу-шучу, хотя сейчас хохмить самое времечко... В общем, постарайтесь к утру найти. Место я тебе указал, там неподалёку должны быть кто-то из оцепления, так что смело бери их себе в подмогу. Информировать меня ежечасно, как продвигаются дела. Ну и если всё обойдётся как надо, парочку увольнительных по приезду в часть гарантирую... Есть какие-то вопросы?

— Расположение кабеля, если обнаружим, прямо сюда наносить?

— А больше и некуда. Постарайся, чтобы гражданские не обхохотали потом: обрисуй грамотно, как положено топографу или кто ты там... Мы потом копию на чистовик сделаем, не хуже ихних планшетов будет...

¹ Переносная армейская радиостанция на ультракоротких волнах.

Выйдя из палатки комсостава роты, Луконин аккуратно сложил карту и засунул её в походную командирскую сумку, выданную в качестве дополнения замполитом. «Круто выгляжу, – усмехнулся он про себя. – Теперь бы ещё фуражку да портупею для полного шика – и прощай дембель, остаюсь верен тебе, минобороны». Затем направился к командному пункту метрах в полуторастах от расположения, куда, по словам Усольцева, должны были привезти из части будущего напарника из инженерно-сапёрной роты.

Ждать пришлось недолго: через полчаса, приплясывая в темноте фарами ближнего света, на КП подвалил полковой «уазик». Оттуда вылезли начальник штаба батальона капитан Лисовский и прапорщик с продолговатым металлическим коробом, где, как можно было догадаться, содержался прибор для обнаружения всевозможной подземной дряни. До сих пор Луконин видел похожее только в кино, и его даже разобрало любопытство, чего, признаться, уже давненько не испытывал: сие невинное чувство в армии поощряется разве что взысканиями. Он подошел к машине.

— Луконин? Это тебя отправляют на кабель? — быстро спросил его начштаба. — Отлично... Андреич, – повернулся он к прапорщику, — вот тебе в подручные боец. Толковый, располагай в полной мере.

— Вообще-то двоих было бы самое то... — прапорщик, недовольно сопя, подгонял с помощью карабинчиков ремешки в коробе. Лисовский снова повернулся к Луконину.

— Там будут люди из оцепления, — поспешил заверить тот. — Как минимум двое. При желании можно ещё парочку кликнуть, они по всему периметру разбросаны.

— Ну тогда полный ажур, — усмехнулся прапорщик, доставая из кармана портсигар. Он был уже немолодой, по армейским меркам предпенсионник: морщины на лбу, с проседью усы, «вещмешочек» на должном месте, создающий проблемы со шнуровкой ботинок, размеренная неторопливая речь. — Сколько расстояния до предполагаемого клада?

— Где-то три с полтиной по прямой будет, – не совсем уверенно ответил Луконин. — Но лучше в объезд, на ходулях разве что к утру дотопаем. Повсюду рывины, траншеи, воронки, а на «уазике» минут за двадцать примчимся.

— Дорогу хорошо знаешь? – вмешался водитель, сержантик из комендантского взвода. Его беспокойство можно было понять: возит не только полковое начальство, но и ранжиром повыше: окружную прокуратуру, дивизионное управление, штабные инспекции. «Козлик», понятное дело, к походно-земляной жизни не приспособлен.

— Да уж не хуже своих пяти, — фыркнул Луконин. — Выруливай только аккуратно, тропка петлять любит.

— Луконин тут каждый кустик изучил, с закрытыми глазами пулю отыщет, — с лёгкой иронией и одновременно гордостью заметил Лисовский. — В своё время кто-то из батальона здесь рожок с патронами схоронил, так наш скаут-разведчик за полчаса отыскал.

— Так то нетрудно было, тарщ-ктан, по следам марша и огневой линии с погрешностью тридцати метров в стороны... — начал было скромничать Луконин, но прапорщик оборвал:

— Ладно, не будем трёп гнать, садимся и потарахтели. Раньше закончим – больше поспим...

Военный полигон представлял собой равнинный участок-трапецию, у малого основания которой с восточной стороны находились командный пункт, площадка для стоянки техники и территория расположения подразделений. К западу участок всё более расширялся, давая места направляющим директрисам и войсковым стрельбищам с огневыми рубежами; линии огня имели нечеткие границы в основном у большого основания на западе полигона, поскольку пуля – она всё ж таки дура, особенно когда выпускает её лицо-аналог, и потому может залететь куда не следует, а уж если дурить начинает снаряд...

Во избежание нежелательных появлений на территории посторонних лиц и предметов, по периметру участка, в более или менее доступных местах выставлялись подобия сторожевых постов, задачей которых было не допустить вторжения. А вероятность оного была достаточно велика, особенно в летнюю пору: кроме ни в чём не повинного зверья, в полигон могли запросто вторгнуться невежественные натуралисты: ягодники-грибники, собиратели трав, даже охотники, не считая хмельных любителей загородных пикников или просто пьяных, временно упустивших ориентацию на местности. Натянутые повсюду табличные запреты не всегда принимаются во внимание, часто просто не замечаются в азартных поисках лесных и полевых даров, а иногда и увлекают предприимчивую окрестную ребятню в надежде отыскать боевые сувениры различных предназначений.

На одном из таких постов (хотя само понятие носило скорее символический, нежели топографический характер) двое солдат коротали время у костерка, разведённого с самого начала их прибытия на место. Дабы дежурство, неизвестно когда сменяющееся, не казалось постылым и бесплодным, костерок использовался не только в качестве источника света и тепла: в золе пеклись картошка и яблоки, непонятным для посторонних образом тут оказавшиеся. Сей факт с большой долей вероятности никто и не собирался исследовать, особенно если учесть, что из продовольствия у бойцов по прибытии имелись только две пачки сигарет, да и теми располагал один из них, судя по выправке – второгодник. Другой служивый вид имел более уставной, из чего можно было предположить, что ряды защитников отечества пополнил не так давно.

Кругом было тихо, лишь ленивое потрескивание горевшего сухостоя нарушало гробовую идиллию полуночной глуши. Обоим почему-то не пришло в голову, что пальба и канонада с полигона уже несколько часов как смолкли, хотя ночным стрельбам полагалось быть уже в самом разгаре. Бойцы находились в том полудремотном состоянии, когда вроде и окутан пеленой сна, а органы осязания полностью настороже: любой посторонний звук, будто невидимая вспышка, заставляет очнуться и мгновенно перенестись из полуастрального состояния в реальность (комары со своим писклявым зудом не в счёт). Во всяком случае, более древний боец медитировал успешнее; именно он учуял более закалённым инстинктом приближение к месту их священнодействия автомобильного рокота. Встряхнулся, коротко зевнул и посмотрел на другого: тот не подавал признаков активной деятельности. «Солобон...», – усмехнулся про себя и бросил в напарника веткой.

— Эй, дровишко! Хорош гнить, дембель проспийшь!.. Полоневич, ёшкин кот, линзы протри, кажись смена едет!..

Второй боец, встрепенувшись, поднялся на ноги и стал вслушиваться в ночи.

— Да говорят тебе, едут сюда. Неужто не слышно?.. Ладно, приедем в часть, займёмся твоими мембранами...

Звук мотора становился всё отчётливей, опытным слухом можно было определить, что машина едет осторожно, притормаживая на малейшей ямке.

— Что-то не нравится всё это мне, — пробормотал первый. — Ну-ка, припрячь хавчик, только поскорее.

Полоневич кинулся с вещмешком к костру и принялся лихорадочно запихивать внутрь запечённые трофеи с ближайшего селения. К тому моменту, когда полковой «уазик» выехал на полянку из малозаметной в темноте просеки, улики были аккуратно спрятаны за поваленной неподалёку сосной.

Из машины вышли трое: все были хорошо знакомы первому бойцу. Нерешительно прокашлявшись, тот подошёл к Луконину и поинтересовался:

— Инспекция какая-то или проверка бдительности?

— Всё вместе, плюс белка и свисток, — нехотя отвечал за Луконина прапорщик, доставая с водителем из машины короб. — Лопата с собой имеется, секьюрити?

Поскольку первый боец, поджав губы и плечи, недоумённо поводил головой, а Полоневич лишь хлопал глазами, ответить за них поспешил Луконин:

— Это оцепление, тарщ-прапщик, им не до земляных работ, будут отвлекать дозор тащить.

— Верно... — Прапорщик, усмехнувшись, принялся доставать из короба детектор, при виде которого даже водитель застыл в неподвижности. — Как это я стугодумил, картофан печь можно и без неё...

Оба солдата из оцепления скромно опустили глаза...

Прибор внешне напоминал увеличенный пулемёт Дегтярёва, на конце ствола которого крепился небольшой обруч, а вместо станины была прикреплена ручка с какими-то чёрными кнопками на сплюсненном торце. В коробе находились ещё всевозможные провода, трубки и прочая зиповская мелочёвка.

— Так, воины... — Прапорщик выпрямился и обвёл всех глазами. — Мобилизуйте-ка серое вещество и постарайтесь припомнить, не попадались где-то здесь в округе бетонные или металлические столбики, желательны с табличками. Они должны указывать местонахождение и направление подземных коммуникаций. Для особо одарённых — это трубы и кабеля, зарытые в землю, где им сподручнее находиться без нежелательного стороннего воздействия сил природы и гомо-сапиенса разумного...

На некоторое время снова воцарилась тишина, затем Полоневич, робко кашлянув, промямлил:

— Я, кажется, видел что-то похожее...

Все повернулись к нему.

— Отсюда далеко? — уточнил прапорщик.

— Да нет, метров пятьдесят, не больше. Хворост для костра собирал и наткнулся случайно...

Слегка покосившийся бетонный столбик с облупившейся желтой краской и пятнами лишайника обнаружить можно было действительно случайно, поскольку место вокруг обильно поросло лещиной и кустами боярышника. Однако следы окопок, вероятно, проделанных ещё при возможной закладке кабеля, говорили о том, что столбик здесь неспроста. Это подтверждали выбитые на нём непонятные стороннему оку литеры и цифири, означающие, должно быть, специальный код для определённых служб. Прапорщик, внимательно оглядев его при свете фонарика, покивал головой:

— Да, похоже, что он. А ещё таких не находили поблизости?

— Никак нет...

— Ладно, сделаем попытку хотя бы отсюда пляснуть... Ты, сержант, тащи сюда «рекон», а вы двое — коробку с остальными причиндалами. Только умоляю, гвардейцы — ничего не рассыпайте на пути, тут каждая шайбочка может быть на вес золота...

II

Зарытый и забытый в недрах кабель обнаружили на удивление скоро. Сначала пообломали вокруг кусты и ветки, затем Федотов (так звали прапорщика), одев на плечо детектор наподобие гранатомёта, а потом напялив громоздкие наушники, несколько минут колдовал, сгорбившись, вокруг столбика, шаря по замшелой поверхности обручем.

— Та-ак... — Он выпрямился, сбросил наушники на плечи и оглядел бойцов, задумчиво шевеля усами. — Вычислить-то мы его вычислили, а вот дать направление — это уже сложнее... Эх, ещё бы хоть один сторожок такой найти, мигом бы справились...

Луконин подался вперёд:

— А если дедовским способом попробовать – фоновым полем, так сказать?

— Че-во? – Федотов с хмурым недоумением уставился на него.

— Никогда не слышали? Нужны два куска проволоки – по полметра, не больше, ещё лучше – пара сварных электродов. Загнутыми берёшь по одному в руки и аккуратно прочёсываешь местность предполагаемой закладки.

— И что дальше?

— Там, где кабель, проволока или электроды начинают шевелиться в руках, надо только не зажимать их, чтобы загнутые концы были почти свободными. А если оба куска распрямляются в одну линию – значит, легли параллельно подземке.

— Интересно... И откуда ты про это знаешь?

— На «гражданке» в технаре учился по части геодезии, так на полевой практике у изыскателей-проектировщиков стажировались. Вот они такую штуку и показывали. У них постоянно с собой пачка электродов имелась для таких случаев. Реагирует, кстати, не только на кабели, но и другую подземку: водопровод, канализацию, дренажные трубы...

— Н-да-а... – протянул Федотов, в изумлении оглядывая младшего сержанта Луконина. – Воистину, век живи – век учишься... А самому довелось такое применять?

— Пару раз, когда посылали наличие одной мелиоративной системы проверить. Действовало безотказно.

Федотов аккуратно положил детектор на траву и принялся шарить в коробе.

— Такой подойдёт? – он протянул небольшой моток медной проволоки.

— Пожалуй... — Луконин внимательно ощупал и, отогнув конец, попробовал разломать. – Тонковата, но должна сработать...

Дважды перекусив моток, соорудили из кусков проволоки г-образные прутики. Луконин, благо теперь он являлся главной действующей фигурой с согласия Федотова, приказал детектор и короб с ЗИП-ом отнести подальше, чтобы не создавали лишнего фона, после чего, взяв в неплотно зажатые кулаки малые загибы этих кусков и сложив по-молитвенному руки на груди, принялся медленно, будто канатоходец, прохаживаться вокруг столбика. Все стояли поодаль, затаив дыхание. Воцарилась такая тишина, что казалось, и комарьё утомилось в ожидании чуда.

— Есть!

Прутики в руках, поддавшись невидимым импульсам, медленно раздвинулись в стороны и замерли. Луконин осторожно вытянул из кармана галифе компас и внимательно сверил по нему направление, в котором они залегли.

— Запад-юго-запад, двести пятьдесят по азимуту... Теперь с обратной стороны...

Он обошёл столбик и медленно проделал такую же операцию с другого направления.

— Здесь кабель сворачивает... Север-северо-восток, примерно двадцать по азимуту. Вот так... – он вытянул руку сообразно разгибу проволоки.

— Это как раз в сторону большака, — поспешил заметить и тем самым внести свою лепту старший из оцепления боец. — Столбик вкопали в месте разворота.

— Нас интересует не большак, а как пролегает кабель на территории вашего театра боевых действий. Вернее – уже *нашего*, — усмехаясь, проговорил Федотов и обратился к Луконину: – По всей закладке сможешь вот так прозондировать?

— Элементарно, Ватсон! – бодро отвечивал тот, но тут же спохватился: — Виноват, тарщ-прапщик...

— Ничего... – Федотов поймал себя на мысли, что рядом с этими бойцами зачастил усмешками и подковырками. — Раз уж ты направляющее звено, тебе и флаг в руки и барабан на шею...

Как вскоре выяснилось, кабель не шибко и задевал территорию полигона: зафиксировав направление и сверяя его таким образом проволочными кусками, Луконин с Федотовым двинулись к юго-западу по карте, время от времени делая остановки и по очереди дублируя нехитрую операцию с распрямлением «мини-локаторов», как окрестил эти спасительные медные обломки Федотов. По ходу были обнаружены следы ещё двух развороченных сторожков, подтверждавших верность их действий. И часа не прошло, как всё было закончено, после чего более поднаторевший в картографических делах Луконин вычертил на плане при свете фонарика штрих-пунктир и подписал его закодированными символами, обнаруженными ещё на первом столбике.

— Так положено, — заметил он, складывая лист с планом местности и засовывая в замполитову сумку. — У тех, кто этим в своё время занимался, обязательно будут такие же загогулины в картах и реестрах. Пусть не думают, что мы тут лаптем щи хлебаем.

Хоть и прозвучало несколько самонадеянно, прапорщик Федотов своего восторга не скрывал. Весь первоначальный апломб с примесью сарказма куда-то улетучился.

— Тебя мне сам боженька послал, — с нескрываемым облегчением говорил он, когда шли обратно к машине и костру. — Я ведь, когда ехал сюда, даже не представлял, с чего начинать. Будь уверен, замолвлю словечко в штабе, поощрят стопроцентно. Во всяком случае, как минимум ещё одна лычка обеспечена. Сколько ещё служить?

— Да пару месяцев осталось...

— Оно сразу видать, не зелень зачумленная, что пару слов связать не может, всюду за ручку водить надо. Вот ежели бы срок службы хотя бы вдвое увеличить, таких бы спецов армия могла наковать, а! Как считаешь?

Луконин сдвинул головной убор и почесал в затылке:

— Что верно, то верно. Только бы ещё неплохо со всем семейством тарабанить: мамы, тёти, сваты-кумы...

Федотов расхохотался...

По приходу на место, где водитель-комендач, завернувшись в плащ-палатку, выводил у костра глоточную серенаду на тему о неумолимом ходе солдатской службы, а бойцы из оцепления с беспокойством оглядывались в ожидании, Луконин настроил рацию-«моторолу» и вызвал замполита. Тот ответил мигом:

— На связи...

— Луконин говорит... Кабель обнаружен, расположение проследили. Он совсем немного задевает самый угол северо-западной части полигона, правее дальнего огневого рубежа. Я нанёс на план его направление с погрешностью на метр-полтора, не больше. Кроме того, найдены следы тех самых бетонных сторожков, про которые говорили, они подтверждают наличие кабеля. И ещё один цельный, но он уже за территорией, хотя его я тоже обозначил.

— Молодцом, парень... Все остальные, я имею в виду бойцов, целы-здоровы?

— А куда им деваться! Мы же не мины раскапывали.

— Ну, мало ли... Ладно, я телеграфирую комбату, а вы дуйте поскорее на ка-пэ... Да, кстати! Ты там случаем Савельева нигде не встречал?

— Здесь он, вместе с Полонеевым в оцеплении.

— Ну, мать вашу!.. Он же механик-водитель, с техникой рядом быть должен, какой сапог его туда отправил?.. Хотя уже догадываюсь, опять эти два «свистка» услужили... Н-ну, помощники... Значит так. Меняешь его там, пусть едет сюда, а сам остаёшься с... этим Полонеевым. Не тебя учить, что делать надо. И не забудь передать Федотову топоплан с рацией. Всё понял?.. Эй, ты не заснул часом?

— Так точно... В смысле, понял всё.

— Понимаю, тяжко, но я ведь не случайно именно тебе доверился. Держись, братец, твои заслуги родина будет помнить... Ну всё, конец связи...

Луконин отключил «моторолу» и с досадой повернулся к Савельеву – тому самому, что был за старшего до их прибытия сюда:

— Всё слышал? Стало быть, на передке без тебя никуда, езжай таранить до победного.

— Чтоб их... — Савельев с не меньшей досадой сплюнул. Его можно было понять: в сравнении с пребыванием здесь, в тихом уголке на лоне природы, пусть даже и несколько видоизменённой, тряска в бронированной самоходке по колеям и ухабам полигона казалась экзекуцией.

Все засобирались, водитель «уазика» затолкал плащ-палатку в задний отсек салона и, сладко потянувшись, мечтательно процедил:

— Ша бы горячего кофейку с чипсами...

Прапорщик Федотов, уложив в салон короб, подошёл к Луконину. Тот протянул ему сумку с рацией.

— Спасибо за помощь, царица полей. Метод твой запомню, когда-нибудь наверняка пригодится. Насчёт словечка – всё в силе... Как звать-то?

— Сергеем...

— Держи петуха, Серёга, авось когда-нибудь сведут ещё пути-дороги...

Когда удаляющийся в ночной тиши звук мотора окончательно пропал, Сергей повернулся к выжидательно глядевшему на него Полоневичу:

— Выспались тут хоть? Можешь шпарить как на духу, мне вся эта система знакома как облупленная.

Боец робко улыбнулся и пробормотал:

— Ну... более или менее.

— Тогда, если нет возражений, я всё-таки прикорну до рассвета. Третьи сутки уже пошли, как горизонтальное положение не принимал, скоро как лошадь научусь стоя дрыхнуть... Только гляди, как услышишь посторонние звуки – немедленно тормози, не бойсь, не проглочу спросонья.

Полоневич быстро покивал и негромко, словно опасаясь быть услышанным посторонними, пролепетал:

— Может, перекусить чего хотите?

Сергей, уже было собравшийся прилечь у тлеющего костра, с удивлением поднял брови:

— А вам что, сух-пай выдавали?

— Да нет, просто...

Полоневич сходил к тайнику с припрятанным вещмешком и, вернувшись к костру, развязал ляжки.

— Вот...

Сергей коротко и с пониманием дела рассмеялся:

— Ну как же! Узнаю брата Колю, а ещё самого себя этак с годик тому назад. Наш брат просто себя уважать перестанет, если трофеями не разживётся, особенно в такую пору... А ведь верно, как на этот долбанный учебный центр прискакали, — кроме порохового дыма с матюками, ничего больше и не глотали...

Сергей неторопливо сжевал пару картофелин, затем подложил под голову старый комбинезон и улёгся на бок лицом к костру. Ему, собственно, почему-то вовсе не хотелось спать, просто заняться на этом новом месте, да ещё в такое время суток, было абсолютно нечем. Разве что поддерживать огонёк, но ведь для этого есть Полоневич, с которым, кстати, вести как воспитательно-профилактическую работу, так и беседу «за жизнь», вовсе не прельщало. Амбиции старослуживого в отношении «духов» Сергея никогда не щекотали. Он придерживался им самим выдуманной нехитрой тактики стороннего нейтралитета: держал молодых от себя на расстоянии, жёстких методов не применяя и в то же время не запанибратствуя. Так было удоб-

нее: ни к чему не обязывало, в глазах пожилого солдатского бомонда не роняло, озлобления у младших призывов не вызывало. Такой либеральный подход, если его правильно использовать и преподнести, нередко имел преимущества перед оголтелым и закостенелым «не давай спуска, как когда-то не давали тебе». По крайней мере, с ним младшему сержанту Луконину служить было проще и в какой-то степени даже веселее: иной раз сарказмом можно добиться куда большего, нежели истощным рёвом с пинками, не говоря уже о нервотрёпке.

Что же касалось рядового Полоневича, то он вообще не представлял для Сергея никакого интереса: безликое серое существо, абсолютно ничем не выделявшееся из среды прочих молодых бойцов. Мышонок, волею судьбы попавший в суровый армейский водоворот. Тихий, исполнительный и бесперспективный. Дотянет с грехом пополам срочную, да и стинет в родные пенаты, без сожалений и особых хлопот. Впрочем, и на «гражданке» таких не особо замечают: среднестатистическая обывательская единица с твёрдым окладом и минимальными потребностями. Гражданин Корейко без миллионов...

Был, правда, случай, когда Полоневич всё ж таки отличился, если это можно так назвать. Произошло сие ещё весной, в карантине. Роту совсем недавно прибывших несмышлёнышей подняли утром, как положено уставными 45-ю секундами, вывели на зарядку, утренний кросс и так далее. Осмотр, построение к завтраку и... одного на перекличке недостаёт. Бойца Полоневича словно корова слизала. Собирались уж было подымать тревогу, как кто-то ненароком подсёк взглядом в самом углу казармы на верхнем коечном ярусе мирно дремлющего под байковым одеяльцем солдата. При побудке на него в суматохе лихорадочного облачения не обратили внимания, а полусонные дневальные и вовсе упустили с поля зрения, если учесть местоположение «объекта». Полоневич же, по его словам, просто не услышал сержантской команды и спешного гомона поднятых сослуживцев, что, разумеется, подверглось немалому сомнению, и остаток карантинного срока койка на верхнем ярусе в углу оставалась практически нетронутой: её хозяин отбывал положенное у входа в казарму в качестве петушка-дневального. Историю эту некоторое время вспоминали со смехом как показательный пример «боеготовности номер один», а лейтенант-артиллерист Тулейко, командовавший тогда карантинном, с ухмылкой заметил: «А может, так оно и правильно: граница на замке, а ключ — под подушку...»

Теперь, правда, у Сергея бродили иные мысли: его слегка подтачивало беспокойство, всё ли правильно было сделано при наложении линии кабеля, пускай совсем незначительно затронувшего их территорию. Уж почитай два года, как не вычерчивал, навыки могли и притупиться. К примеру, в отношении условных знаков или привязки на местности. Впрочем, штабных умельцев по этой части должно хватать, разберутся, кому положено...

Сергей всё-таки задремал, — тем чутким сном бывалого служаки, когда крохотная частица собственного «я» продолжает бодрствовать, витая где-то рядом и продолжая реагировать на внешние явления. Полоневич же, стараясь не шуметь, неторопливо хлопотал у костра, время от времени с любопытством поглядывая в сторону новоявленного представителя армейской элиты. По-видимому, где-то втайне ему хотелось в чём-то походить на младшего сержанта Луконина; естественное стремление любого молодого парня быть крепким и независимым хотя бы в отношении самого себя подчас не всегда даёт позитивные отголоски, даже если и развивается порой в нужном направлении. Личная харизматика — штука довольно тонкая, основанная сложнейшими психологическими и даже, можно сказать, стратегическими аспектами, что постичь не каждому по зубам (в переносном, разумеется, смысле, хотя кое-кто, и не только в армии, воспринимает сие буквально). А начальниче уважение и авторитет в равноценной солдатской среде, благоприобретённые Лукониным за два года службы (надо признать, не всегда безупречной), свидетельствовали о верном направлении его служебного кредо. И потому любопытство в адрес его персоны, в чём-то даже граничащее с благоговением, не оставляло в эти спокойные часы ночного бдения рядового-срочника Александра Полоневича. Здесь не

было и малой толики зависти, — многие из нас сами нередко вот так восхищённо созерцают какого-нибудь героя спортивных арен или киношного брэнда, не делая попыток отождествлять его и собственные амбиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.